

УДК 324:327.1

ОСОБЕННОСТИ РОДОПЛЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ВЫБОРОВ: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ

А.Э. Эсенбаев

Рассмотрена роль родоплеменных отношений в политическом развитии Кыргызстана и институте выборов в частности. Описываются нынешнее состояние трайбализма и клановости, а также особенности их влияния на избирательный процесс в контексте трансформации политической системы в Кыргызстане.

Ключевые слова: клановость; трайбализм; родоплеменные отношения; политическая система; выборы; избирательный процесс.

FEATURES OF TRIBAL RELATIONS IN KYRGYZSTAN AND THEIR IMPACT ON THE INSTITUTION OF ELECTIONS: AN ATTEMPT TO COMPREHEND

A.E. Esenbaev

The article deals with the role of tribal relations in the political development of Kyrgyzstan, as well as the institution of elections in particular. It describes the current state of tribalism and cronyism, and especially their impact on the electoral process in the context of the transformation of the political system in Kyrgyzstan.

Key words: tribalism; tribal relations; the political system; elections; the electoral process.

Своеобразие развития Кыргызстана обусловлено несколькими факторами, которые оказывают серьезное влияние как на все политическое развитие страны, так и институт выборов в частности. К таким факторам может быть отнесено сохранение в политической системе некоторых традиционных родоплеменных институтов, таких, например, как клановый патронаж, деление страны на север и юг, трайбализм, который, хотя и обусловлен географическими факторами, но имеет социальные последствия, выражающиеся в скрытом и явном противопоставлении представителей этих территорий в борьбе за власть и распределение властных полномочий. Присутствие этих явлений в жизни страны осложняет политическую обстановку, что, по мнению многих ученых и аналитиков, представляет угрозу не только стабильности государственности, но и самому существованию Кыргызстана, а также сказываются и на избирательном процессе.

Трайбализм как политический термин на современном этапе был возрожден в 1994 г., хотя его “всплески” как политического феномена происходили на протяжении всего советского периода истории республики.

Современные представления о трайбализме часто носят гиперболизированный характер, ему

придается доминирующее положение, прежде всего, при рекрутировании политической элиты страны. Разумеется, тысячелетиями испытанные, отшлифованные многовековым жизненным опытом народа формы социально-экономических связей, игравшие определяющую роль в производстве, распределении, культовых действиях, управлении и т. д., родоплеменные отношения с их идеологией не могли сойти со сцены за несколько лет и даже в течение жизни двух-трех поколений. Но под влиянием внешних и внутренних факторов они трансформировались. Так, одни авторы рассматривают трайбализм как использование родоплеменных институтов в политических интересах. Другая когорта считает, что трайбализм – это механизм рекрутирования кадров по клановому признаку, который ярко проявляется в ходе избирательных кампаний. При этом клановость рассматривается как внутренняя расчлененность государственного аппарата на организованные группы влияния. Проводится следующая классификация: родовая, посткоммунистическо-партийная и финансово-промышленная [1, с. 6–9].

Исходя из этого, можно заключить, что термин “трайбализм” носит собирательный характер. Под ним подразумевают в основном дифференциацию общества по родоплеменным и кров-

народственным признакам, а также по группам интересов с целью достижения определенного положения. В западной политологической и социологической науках проблема “трайбализма” является довольно исследованной. Однако это не означает, что методология и методы изучения, предложенные европейскими учеными, применимы для определения сущности этого феномена в нашей республике.

Важным элементом трайбализма следует считать поразительную живучесть традиций, норм и предписаний рода, сохранившихся по настоящее время. Произошли революционные изменения в способе производства, в общественных отношениях, изменились формы собственности, но революции в умах, в общественном сознании кыргызского народа не будет еще долго [2].

Сохраняющиеся различия между жителями различных регионов Кыргызстана связаны с существованием незначительных отличий в традициях, менталитете, произношении. Более того, существует традиционное деление на уруу (племена) и конфедерации племен, которые сегодня стали “фольклором”, но играют определенную функциональную роль в обществе. Социальная структура традиционного кыргызского общества состояла приблизительно из сорока различных племенных союзов, основанных на родственных отношениях. Каждый племенной союз состоял из различных семейных подразделений. Эти племенные союзы были объединены в три большие конфедерации: он канат (правое крыло), сол канат (левое крыло) и ичкилик. Каждый племенной союз имел политический суверенитет и свою собственную территорию, которая и сегодня совпадает с региональным делением на Север и Юг. Региональное деление и традиционные институты солидарности не являются проблемой, угрожающей государственности, но являются элементами дестабилизирующего фактора страны, особенно при процессе формирования государственной власти, а именно во время выборов.

В Кыргызстане клановость всегда была сильна, хотя какого-либо одного доминирующего клана никогда не было. Поэтому речь должна идти не только о традиционном делении на Юг и Север страны, но и о сугубо местечковых кланах – таласских, чуйских на севере, ичкилики и отуз уул на юге. Деление по родам, принадлежность к семьям, часто насчитывающим по несколько тысяч человек, приобрело для людей новую важность, став фактором неформальных социальных гарантий. Наличие в составе клана или рода человека, занимающего высокий пост, лишь способствовало еще более явной иерархизации и мобилизации в составе данного семейного объединения.

Наиболее ярким примером в этом смысле является политическая биография самого А. Акаева. Он принадлежал к крупнейшему и наиболее сильному северному племени сары-багыш, и его выдвижение к власти поддержала элита талассцев – наиболее “аристократической” из регионально-племенных общностей Кыргызстана. С последней А. Акаев был связан через свою жену, которая принадлежала к клану традиционных правителей Таласской долины Джегетин из племени кушчу [3]. “Северяне” также использовали “либерально-демократическое” движение 1989–1991 г. для отеснения от власти лидеров “южан”, в советское время занимавших доминирующее положение в центральном партийно-государственном аппарате. В свою очередь, “южные элиты” взяли на себя роль защитников этнических интересов кыргызов. То, что А. Масалиев и его партия получили массовую поддержку на президентских и парламентских выборах 1995 г. на его родном Юге, объясняется переплетением ряда факторов [4, с. 10–11]. Очевидно, что клановость во время избирательной кампании усиливалась естественно-географическим делением страны на южную и северную часть. Север оказался более модернизирован, индустриализирован и “русифицирован”, жившие на севере страны кыргызы были более свободобольны и ранее вели кочевой образ жизни. Юг, примыкающий к Ферганской долине, был в основном аграрным и гораздо более патриархальным.

Хорошей иллюстрацией работы этого механизма стали парламентские выборы 1995 г. Глава одного из отделов президентской администрации Т. Омуралиев в борьбе за депутатский мандат от одного из округов Нарынской области с помощью старейшин получил почти единодушную поддержку своего родного племени тынымсеитов. Сразу же после первого тура выборов старейшины тынымсеитов собрались, чтобы разработать стратегию действий во втором туре – нужно было ликвидировать угрозу, исходящую в отношении Т. Омуралиева со стороны его оппонента, который имел столь же массовую поддержку у соперничающего племени сары-багыш. Исходя из этого, можно сказать, что родоплеменные отношения в Кыргызстане играют очень важную роль, особенно в процессе формирования государственной власти путем непосредственного влияния клановости на сам процесс предвыборной кампании.

Как в свое время признал К. Баялинов, пресс-секретарь президента, “не секрет, что ответственные работники высшего ранга в основном приходят из того или иного родового клана. Это реальность. В нашей маленькой республике, куда ни повернись, всегда кто-то чей-то человек”. Отношения членов

политического клана с его лидером, как правило, политиком или чиновником высокого ранга, строятся на абсолютной персональной лояльности к патрону и, в соответствии с традиционными нормами, на взаимном обмене услугами. Лидер вправе рассчитывать на максимальное использование его клиентами имеющихся у них связей и возможностей для укрепления положения патрона во властных структурах. Патрон, в свою очередь, обеспечивает своим сторонникам возможности карьерного продвижения – политические, административные и профессиональные назначения.

В итоге образуются широкие “патронажно-клиентельные сети”, которые превращают политические кланы в более значительно развернутые структуры регионально-трайбалистского типа и придают им стабильность. Ядром этих структур становятся отмеченные выше этнорегиональные группировки элит, связанные общностью происхождения и имеющие в своих областях полную монополию на власть. Неформальные политические структуры включены в более широкие межклановые объединения (макрокланы), соответствующие отмеченному выше историческому размежеванию между “модернизированным” Севером и “традиционным” Югом. В первом блоке, судя по всему, доминирует таласские, а во втором – ферганские кланы.

Большинство современных политических кланов имеют несколько уровней. Их центральное звено, скорее всего, находится на региональном уровне, который, похоже, претерпел наименьшие “персональные” изменения. Во второй половине десятилетия политические кланы фактически имели почти полную монополию на политическую и экономическую власть в “своих” этнических регионах.

Главными “патронами”, либо ближайшими клиентами патронов этих неформальных группировок, как правило, являются областные губернаторы – “акиды”. Их влияние резко усилилось после конституционной реформы 1994 г. Сокращение числа и укрупнение избирательных округов, по ряду мнений, отстранило от остатков власти альтернативные группы региональных элит и дало акимам дополнительные рычаги контроля над местным политическим, бюрократическим и деловым истеблишментом. В руках клановых лидеров сконцентрировались почти все категории властных ресурсов – от неформального механизма мобилизации этноплеменной лояльности до контроля над электоральным процессом и местной администрацией. Видимо, рассчитывая на превращение акимов в свою клиентелу и, соответственно, на укрепление своей личной власти, “Акаев создал монстра, с которым он даже не справился” [4]. Ис-

ходя из этого, можно констатировать, что клановая структура негативно отражается на прозрачности проведения предвыборных кампаний и даже создает определенные трудности. Монополия политических кланов на власть в регионах была убедительно продемонстрирована в ходе выборов местных органов власти в 1998 г. Власти и правозащитные организации в большинстве случаев не смогли противодействовать повсеместным фактам вмешательства “политических авторитетов” в работу районных избирательных комиссий.

Клановым структурам, в основном, удалось также интегрировать и новые “либеральные” элиты. “Демократам” фактически не удалось “переключить” на себя неотрадиционный механизм мобилизации массовой поддержки и создать собственные политические организации по силе и авторитету сопоставимые с кланами. Большинство “демократов” вынуждено было либо уйти из политики, либо подключиться к клиентельно-клановой сети соответствующих неформальных группировок, заняв там место, подобающее их статусу. Тем самым нижняя палата Парламента фактически превратилась в орган региональной власти. С другой стороны, члены таласского и других северных кланов, родоплеменная элита сары-багыш (родное племя Акаева) и его “либерально-демократические” соратники в основном концентрировались вокруг президентской администрации и правительственных органов.

Такое разделение, в сущности, и лежало в основе регулярно обостряющегося тогда конфликта между “прогрессивным” президентом и “консервативным” парламентом [5, с. 115]. Эта тенденция быстро начала развиваться и после смены власти в 2005 г. Острую критику оппозиции вызывало активное участие в управлении страной не только соратников президента К. Бакиева по “южному клану”, которые занимали большинство государственных постов в органах власти, но и его родственников. По данным газеты “Аалам” (статья от 8 июня 2008 г.), в одно время в политическом истеблишменте находились в основном выходцы из южных регионов. Газета цитирует тогдашнего Президента КР Курманбека Бакиева, обещавшего бороться с землячеством во власти. Как заявил он, выступая 23 мая перед членами правительства, “в стране необходимо искоренить принцип землячества. Мы будем проверять, если в том или ином министерстве со сменой руководителя будет зафиксирована текучесть кадров. Будем проверять, если в министерстве на руководящих должностях будут работать земляки министра”, – предупреждал присутствующих Бакиев. Он также тогда призвал набирать во все министерства и ведомства

молодых специалистов путем открытого конкурса. Далее издание приводит список земляков Бакиева во времена его президентства (по данным 2008 г.):

Президент КР – Курманбек Бакиев, Джалал-Абадская область, Сузакский район. Государственный секретарь – Нур уулу Досбол, Баткенская область, город Баткен. Руководитель Службы государственной охраны – Жаныбек Бакиев, Джалал-Абадская область, Сузакский район. Секретарь Совета безопасности – Исмаил Исаков, Ошская область, Алайский район. Представитель президента КР в Жогорку Кенеше – Камбаралы Конгантиев, Джалал-Абадская область, город Майлуу-Суу. Пресс-секретарь президента КР – Нурлан Шакеев, Джалал-Абадская область, Аксыйский район. Генеральный прокурор КР – Эльмурза Сатыбалдиев, Ошская область, Узгенский район. Министр внутренних дел КР – Молдомуса Конгантиев, Джалал-Абадская область, город Майлуу-Суу. Министр обороны КР – Бакыт Калыев, Джалал-Абадская область, Сузакский район. Министр финансов КР – Тажикан Калимбетова, Джалал-Абадская область, Сузакский район. Председатель Социального фонда КР – Марат Султанов, Ошская область, Алайский район. Министр чрезвычайных ситуаций КР – Камчыбек Ташиев, Джалал-Абадская область, Сузакский район. Министр транспорта и коммуникаций КР – Нурлан Сулайманов, Ошская область, Чон-Алайский район. Министр культуры КР – Султан Раев, Ошская область, Кара-Сууйский район. Министр образования и науки КР – Ишенкуль Болджурова, Джалал-Абадская область. Председатель Государственного комитета КР по управлению госимуществом – Турсун Турдумамбетов, Джалал-Абадская область, Базар-Коргонский район. Руководитель Счетной палаты КР – Искендербек Гайпулов, Ошская область, Араванский район. Управляющий делами президента КР – Курманбек Темирбаев, Джалал-Абадская область, Сузакский район. Министр труда и социального развития КР – Уктомхан Абдуллаева, Ошская область, Ноокатский район. Руководитель Национального статистического комитета КР – Орозмат Абдыкалыков, Ошская область, Алайский район. Государственное агентство КР по развитию местного самоуправления – Мамасадык Бакиров, Ошская область, Кара-Сууйский район. Министр юстиции КР – Марат Кайыпов, Джалал-Абадская область, Сузакский район. Государственное агентство КР по регистрации прав на недвижимое имущество – Адамжан Жолдошев, Ошская область, Узгенский район. Финансовая полиция КР – Акимжан Муйбиллаев, Джалал-Абадская область, Ала-Букинский район. Государственное агентство КР

по туризму – Турусбек Мамашов, Ошская область, Кара-Кульджинский район. Государственное агентство КР по физкультуре и спорту, делам молодежи и защите детей – Бектур Асанов, Джалал-Абадская область, Сузакский район.

В Жогорку Кенеше, по данным “Аалам”, была следующая ситуация:

Спикер парламента – Айтибай Тагаев, Ошская область, Ноокатский район. Руководитель фракции “Ак Жол” – Азиз Турсунбаев, Джалал-Абадская область, Ала-Букинский район. Руководитель фракции социал-демократов – Бактыбек Бешимов, Джалал-Абадская область, Ала-Букинский район. Глава фракции коммунистов – Исхак Масалиев, Кадамджайский район ранее Ошской, а ныне Баткенской области.

“Есть мнение, что выходцев с Севера отодвинули на второй план. Даже если и назначают на высокие должности северян, то это, как правило, русские или казахи. Интересно, а где справедливость в кадровой политике?” – пишет издание.

В этом ранее неоднократно упрекали бывшего президента А. Акаева. Следствием этого стало то, что после бурного роста института регионализма и сильной активизации семейно-кланового правления в стране произошло “народное восстание” с досрочной отставкой Бакиева.

После так называемой “Тюльпановой революции” участились случаи смены руководителей органов государственной власти и их сотрудников. По словам исследователя Э. Ногойбаевой [6], сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать как “кадровую карусель”, которая делает исполнительную власть “уязвимой и неустойчивой”. Эта ситуация в сочетании с нарастающим экономическим коллапсом все чаще заставляет экспертов и ученых выражать сомнения в жизнеспособности кыргызского государства, находящегося в последние годы в глубоком системном кризисе. “Наши недостатки – это продолжение наших достоинств”. Для поддержания хрупкой стабильности, которое установилось в стране после “революции” 2010 г. и Ошских событий, нам надо преодолеть кумовство, а для этого строить цивилизованное государство, основанное на современных принципах и подходах, которые должны снижать роль родоплеменных механизмов [7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что неформальные политические институты объединяют правящие группы различного происхождения. В этом смысле кыргызские политические кланы, возникшие первоначально как продукт “общественного синтеза” традиционно-феодалных отношений и советской партийно-номенклатурной государственно-бюрократической систе-

мы, продемонстрировали свою гибкость и в постсоветскую эпоху. Вместе с тем социально-политические функции клановых структур не исчерпываются рамками верхушечных политических конфликтов. Распределяя по этнорегиональному принципу совокупный общественный доход в рамках господствующего слоя, клановые структуры в то же время, с определенными ограничениями, допускают к ресурсам “власти-собственности” и более широкие категории “своего” сообщества. Соответственно, на массовом уровне лидеры клиентельно-клановых структур выступают в качестве “этнических патронов”, персонифицируя весь комплекс этносоциальных ценностей и интересов и “замыкая” на себе большинство формальных и неформальных связей.

Унаследованное исторической памятью неформальное правило родоплеменной солидарности, которое постепенно переросло в кланово-региональный принцип поддержки по родоплеменной принадлежности, и которое отчасти регулирует политическое поведение людей, влияет на избирательный процесс и института выборов в целом, а следовательно, может рассматриваться как фак-

тор воздействия на механизм формирования органов государственной власти.

Литература

1. Клань в государствах Центральной Азии: традиции и современность: Круглый стол // Центральная Азия: политика и экономика. 2000. № 2.
2. Трайбализм как зеркало кыргызской политики (Феномен трайбализма у кыргызов) 2007. URL: <http://www.easttime.ru/analytic/1/4/202.html>
3. Ханин В. Кыргызстан: этнический плюрализм и политические конфликты / В. Ханин // Центральная Азия и Кавказ. Стокгольм, 2002. № 2.
4. *Osmanalieva R.* Tribalism in Kyrgyz Society // Central Asia Monitor. 2013. № 5.
5. Confidential interview with a high-ranking Kyrgyz government official. Moscow, September, 2002.
6. *Ногойбаева Э.* “Кадровая карусель” в Кыргызстане ликвидирует такое понятие, как ответственность чиновников / Э. Ногойбаева. URL: <http://www.24.kg>
7. *Айтматова Ж.* Деление по родам может стать плацдармом для афганизации Кыргызстана? / Ж. Айтматова. URL: <http://www.vesti.kg>